

## В.П. Зинченко через призму своих отношений (по автобиографическим материалам В.П. Зинченко)

**Б.Г. Мещеряков**

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, ГБОУ ВО Московской области  
Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация,  
e-mail: borlogic2@uni-dubna.ru

Владимир Петрович Зинченко принадлежит к выдающимся деятелям третьего поколения школы Л.С. Выготского — А.Р. Лурии — А.Н. Леонтьева, которая продолжает существовать и имеет широкую известность в мировой психологии, в том числе под названиями «культурно-историческая психология» и «теория деятельности». В.П. Зинченко — автор около 400 научных публикаций, свыше 100 его работ изданы за рубежом, в том числе 12 монографий на английском, немецком, испанском, японском и других языках.

Как известно, Петр I прорубил Окно в Европу, правда, не для психологии. А Лев Семенович Выготский прорубил окно для психологии и в Европу, и в Америку, и в другие Страны Света. Но даже если есть окно, то все равно нужны еще благоприятные условия и, главное, люди, которые этим окном смогут пользоваться. В.П. Зинченко был как раз тем ученым, кто успешно представлял нашу психологию на разных международных конференциях и вообще в международном сообществе и сыграл огромную роль в процессе интернализации КИП и теории деятельности.

Подтверждением этому могут служить слова Майка Коула и Джима Верча:

«Написание статьи о Владимире Петровиче Зинченко — замечательного ученого и интеллектуала международного масштаба — большая честь для нас.

Эта возможность побудила нас поразмышлять о нашем долге и необыкновенно тесном сотрудничестве с Владимиром Петровичем. Мы, если так можно выразиться, родня Владимиру Петровичу и его другу, Василию Васильевичу Давыдову, а также многим другим последователям культурно-исторической теории. Мы разделяем с ними честь быть **«третьим поколением»** последователей Л.С. Выготского. Как и они, мы учились у А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева...» [1, с. 637].

К большому сожалению, среди многочисленных просто восхитительных воспоминаний В.П. о выдающихся людях, которых он лично знал и/или чье твор-

чество нашло в нем глубокий отклик, не нашлось места, времени и внимания одному из ближайших друзей Зинченко — Владимиру Михайловичу Мунипову, который родился всего на 4 месяца раньше В.П. Как рассказывал мне сам В.П., он позвонил В.М. Мунипову в его день рождения (31 марта) и, в своем стиле, не без чуточки ехидства, спросил: «Ну, что, Володя, стоило ли доживать до 80-летия?». Ответ был положительным и ободряющим для спрашивающего. В.П. пережил своего друга всего на 2 года... Вспоминается, как весело и жизнерадостно прошел банкет, плавно перетекший в капустник, в честь 80-летия В.М. Мунипова (МГППУ, см. фотографию 1). Находясь в этой аудитории, невозможно было подумать, что они так скоро уйдут...

Совсем недавно, во многом благодаря титаническим усилиям жены и соратника В.П. — Натальи Дмитриевны Гордеевой, а также еще одного друга и соратника его — Анатолия Иосифовича Назарова, появился новый толстый том в тематическом собрании сочинений В.П. [1].



**Для цитаты:** Мещеряков Б.Г. В.П. Зинченко через призму своих отношений (по автобиографическим материалам В.П. Зинченко) // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 3. С. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170321>

**For citation:** Meshcheryakov B.G. V.P. Zinchenko Through the Lens of His Relations (Based on V.P. Zinchenko's Autobiographical Materials). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 3, pp. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170321> (In Russ.).

Том разбит на два раздела. Первый и самый большой раздел (3/4 тома) состоит, в свою очередь, из трех частей: 1) статьи В.П. о выдающихся деятелях гуманитарной культуры, психологии и философии, опубликованные в журналах и сборниках; 2) послесловия и предисловия, написанные В.П. в книгах отечественных и зарубежных авторов; 3) два гипероткровенных интервью с В.П. Второй раздел тома включает большое множество (столь большое, что даже не все упомянуты в «Содержании» тома) более или менее кратких воспоминаний людей о своем общении с В.П., своих впечатлениях о его личности, его работах, лекциях и т. д.

В этой книге, на наш взгляд, в предельно концентрированном виде представлены жизнь, душа и дух самого В.П. Конечно, очень интересны его анализы творчества выдающихся мыслителей, а также воспоминания о людях, которые сыграли значимую роль в его жизни. Но не менее интересно и то, *что* В.П. пишет о своем отношении к ним, и обратно — об их отношении к себе, о совместном с ними творчестве и общении. По-видимому, это и есть самый прямой и кратчайший путь к личности В.П., а это — важное условие и понимания его творчества. Кстати, вот что о том же писал В.П. в предисловии к книге Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой [1, с. 297]:

«Сегодня становится общим местом методологии науки роль “познавательного отношения”, “личностного знания”, участвующих в научном производстве. Без данных о личности ученого, а тем более ученого-психолога, многое трудно понять в науке».

### Начнем с фамилии

Этимология фамилии «Зинченко» коренится в древнегреческой мифологии и может быть расшифрована примерно так: «живущий как Зевс» [2]. Отсюда легко перейти и к богине памяти Мнемозине, и ко всем девяти Музам... Посмотрите на

улыбку В.П., когда он впервые услышал об этом этимологическом расследовании на заседании Ученого совета факультета психологии Харьковского университета в честь 50-летия создания кафедры психологии и 110-летия со дня рождения отца В.П., вполне заслуживающего титула «Зевс Харьковской психологии».

О Зевсе Харьковской психологии: «... судьба и случай сделали П.И. Зинченко полноправным участником Харьковской психологической школы и на всю жизнь (кроме лихих годов Второй мировой войны, на которой ему довелось быть сапером) связала его с друзьями и коллегами, часть из которых потом переехали в Москву. Отъезд в Москву А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина вынудил его после 1945 г. стать неформальным лидером Харьковской школы. Эту роль он исполнял добросовестно, ответственно, но без удовольствия. Значительно большую радость ему доставляла его педагогическая работа со студентами и аспирантами и проведение экспериментальных исследований памяти» [1, с. 222].

В связи с давно утвердившимся названием «Харьковская психологическая школа» следует заметить, что оно не совсем точно, поскольку и в своем генезисе, и во время всего периода своего существования эта «школа» была физически и духовно неотделима от Московской школы психологии. Поэтому более точным нам представляется название «Московско-Харьковская психологическая школа». Так было и после того, как большинство ее участников переместились в Москву, продолжая тесное сотрудничество с оставшимися в Харькове психологами, с которыми их отчасти соединяли и родственные связи (в том числе и с В.П.).

### О семье и династии

«П.И. Зинченко оказал огромное, почти неправдоподобное, хотя и вполне произвольное влияние



Фотография 1. 12 июня 2011 г. (МГППУ)

на судьбы своих близких. Его жена, моя мама, Вера Давидовна, училась вместе с ним, стала педагогом, затем начала преподавать психологию в Харьковской консерватории.

Моя сестра — Татьяна Петровна Зинченко (1939—2001) и я стали психологами. (Меня отец отговаривал становиться психологом, иронизировал по поводу психологии: это не профессия, а довольно узкая специальность; психология после теологии и медицины — самая точная наука и т. п.) Моя жена — Наталья Дмитриевна Гордеева (по образованию — биолог) стала психологом. Наш сын Александр тоже стал психологом и женился на психологе Алле Волович. Сейчас они оба психотерапевты и живут в Беркли.

Пожалуй, самое удивительное, что сын и дочь, вслед за ним, посвятили большое время исследова-

ниям памяти. А внук, попав в США, защитил докторскую диссертацию по ностальгии, которая представляет собой ярчайшую форму, хотя и произвольной, но неуничтожимой, постоянной памяти, возможно, памяти рода. Это такая произвольная память, которая прочнее всякой произвольной. А ведь некоторые сомневаются в существовании культурной генетической памяти. История нашей семьи — свидетельство того, что такие сомнения неосновательны.

Если бы случилось невозможное и вся наша семья собралась вместе, то мы во главе с П.И. Зинченко смогли бы открыть, надеюсь, неплохой Психологический колледж [1, с. 222—223].

«Отец, безусловно, повлиял на меня в смысле выбора профессии. Он занимался проблемой памяти, сам готовил какие-то нехитрые приспособления для экспериментов, как говорится, все делал сам. Испы-



*Фотография 2. (30 мая 2013, г. Харьков)*



*Фотографии 3 и 4 (31 мая 2013, г. Харьков).*

Рядом с В.П. Зинченко — выпускник факультета психологии МГУ, российско-американский психотерапевт Александр Владимирович Зинченко

туемыми в его экспериментах были мои друзья или подружки моей сестры Татьяны, впоследствии тоже психолога; отец и к нам в класс приходил и там проводил коллективные эксперименты.

Мама была учительницей, впоследствии преподавала педагогику в Харьковской консерватории, в дальнейшем начала преподавать и психологию» [1, с. 524].

### **Детство и юность: Харьков — эвакуация — Харьков**

В.П. родился 10 августа 1931 г. в семье психологов и педагогов, в Харькове.

«Детство было замечательным. Наверное, у каждого человека, чем дольше он живет, тем оно лучше ему кажется, хотя там бывает, конечно, всякое.

Предвоенные, школьные годы... И вдруг — неожиданное взросление. У меня перед глазами 22 июня 1941 года, это было воскресенье. Наша семья собралась ехать снимать дачу под Харьковом. Я вышел на балкон, и соседский товарищ мне сказал, что началась война (мы радио не включали)» [1, с. 523].

«Ну и, конечно, наиболее ярко помнится военное детство, это две эвакуации — одна под Сталинград, слобода Николаевская, напротив Камышина, там родина отца, украинское село со своим бытом, языком. А когда немцы подошли к Сталинграду, то мы уехали в Южный Казахстан... Там настигли меня болезни: местный климат в этой Голодной степи (таково ее название) категорически мне не подходил. Я переболел и дизентерией, и желтухой, и брюшным тифом, и конъюнктивитом (от сбора хлопка).

Как только Харьков был освобожден, мать поняла, что нужно оттуда уезжать» [1, с. 523–524].

«На своем опыте знаю, что детство и юность накладывают неизгладимую печать на всю дальнейшую жизнь. Я покинул Харьков в 17 лет, в 1948 г. Минус четыре года эвакуации во время войны. Итого моей жизни в Харькове всего-то 13 лет. И, тем не менее, Харьков не только моя родина, но и самый дорогой и любимый город. Здесь прошли счастливые годы жизни с родителями, сестрой, бабушкой, появилось мое первое Я (когда образовались другие, теперь уже не припомнить), завязались первые дружеские отношения, вспыхнула первая любовь. Здесь возникла тяга к моей будущей профессии — психологии, которая была в то время узкой специальностью и ей не учили в моем родном городе» [1, с. 35].

### **В.П. — студент отделения психологии философского факультета МГУ**

«В Харькове не готовили психологов, Харьковская психологическая школа стала Московской, поэтому надо отправляться за образованием в Москву, в МГУ.

Отец меня отговаривал. Шутя, говорил, что психология вообще еще не наука, или это наука, но еще не профессия, а всего лишь узкая специальность, что могут быть трудности. И советовал: «Лучше бы ты пошел в какой-нибудь сельскохозяйственный институт, стал бы лесником, а я бы, выйдя на пенсию, приехал бы к тебе, и мы жили бы с тобой в лесу».

Но этого не случилось. Я уехал в Москву» [1, с. 524–525].

Из статьи о С.Л. Рубинштейне: «Нашему поколению студентов отделения психологии (1948–1953) повезло — мы застали его еще профессором МГУ (до 1951 г.). Наш курс был леонтьевским, а не рубинштейновским. Поколения тогда различались по персональному признаку в зависимости от того, кто читал двухлетний курс «Общей психологии». Сергей Леонидович читал нам лишь небольшой курс по проблемам мышления. Его содержание, конечно, вымылось из памяти, но образ и облик академического и вместе с тем увлеченного профессора остался. Осталось впечатление и от стиля, от эрудиции, которая, казалось, не знает границ. Ни в его облике, ни в поведении мы не замечали следов тех неприятностей, которые его постигли. Нужно отдать должное и другим преподавателям, которые ни словом, ни намеком не посвящали нас в происходившее с ним. Нам было очень жаль, когда в 1951 г. Сергей Леонидович — создатель кафедры и отделения психологии на философском факультете — был уволен из Московского университета и все последующие поколения студентов были лишены удовольствия его слушать. Постыдная стенограмма с обсуждением его «заблуждений»<sup>1</sup> была опубликована в «Вопросах психологии». Впрочем, быть уволенным из МГУ не стыдно. Знаю это на собственном опыте, правда, меня уволили без обсуждения, просто и со вкусом — по телефону. До сада, конечно, была, но я нахожусь в хорошей компании с С.Л. Рубинштейном, Н.А. Бернштейном, А.А. Зиновьевым, Вяч.Вс. Ивановым, М.К. Мамардашвили и другими» [1, с. 171].

Продолжение: «Вернусь в студенческие годы. Мне посчастливилось общаться с Сергеем Леонидовичем по поводу моей курсовой работы, руководителем которой он был. Сочинение, как я теперь понимаю, было вполне примитивным. Оно каким-то чудом у меня сохранилось, хотя давно исчезли обе мои диссертации. Я о другом. Консультации проходили у него дома, и меня потрясла его библиотека, в основном немецкой психологической и философской литературы (где она сейчас?). Такого богатства я не видел ни у А.Р. Лурии, ни у А.Н. Леонтьева. Я о ней вспоминал, когда мне доводилось быть на кафедре психологии Вильнюсского, Берлинского университетов и в лаборатории В. Вундта в Лейпциге. И вновь впечатление от его доброты, душевной щедрости. Ни тени снисходительности, хотя повод для нее, несомненно, был. Он — одессит — без улыбки читал мои полудетским почерком написанные рас-

<sup>1</sup> Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн. Вопросы психологии. 1989. № 4–5.

суждения о том, что думал И.М. Сеченов о памяти» [1, с. 172–173].

Из «Штрихов к портрету Д.Б. Эльконина»: «Узнал я Д.Б. Эльконина, еще будучи студентом, в конце 40-х гг., когда он хрипловатым голосом читал нам незабываемые лекции по психологии игры и детства. Затем я ближе познакомился с ним в лаборатории детской психологии НИИ психологии АПН РСФСР (ныне Психологического института РАО), руководимой А.В. Запорожцем. В этой же лаборатории работал Д.Б. Эльконин до тех пор, пока усилиями А.А. Смирнова не получил собственную лабораторию психологии младшего школьника. В эти годы у нас сложились теплые отношения, которые затем, несмотря на большую разницу в возрасте, переросли в дружбу. Думаю, что Д.Б. Эльконин перенес на меня часть своих дружеских симпатий к моему отцу П.И. Зинченко, как и я, в свою очередь, перенес свою любовь к Д.Б. Эльконину на его сына Б.Д. Эльконина, которого я знаю с детства. Мы с В.В. Давыдовым нередко бывали в доме Эльконовых, где его семья жила на Красноказарменной улице в двух небольших комнатах, расположенных в хорошо известной советской коридорной (адекватно отражающей суть коммунально-социалистического бытия) системе. К счастью, этот быт не совпадал с бытием Д.Б. Эльконина и не определял его сознание» [1, с. 236–237].

Здесь уместно было бы дать ответное слово (аллахверды, — производное от одного термина из зинченковского фольклора, навеянного Владимиром Михайловичем Аллахвердовым [см.: 1, с. 570] Борису Даниловичу Эльконину, но из-за ограниченности объема сошлемся лишь на страницы [1, с. 720–721].

### **Начало преподавательской деятельности**

Еще в студенческие годы (начиная с 4 курса) и далее уже в годы сначала заочной, потом очной аспирантуры В.П. преподавал психологию и логику в двух московских школах — 593-й и 598-й, высоко оценивая влияние полученного опыта для формирования своих педагогических способностей:

«В двух школах уже преподавал психологию и логику. Я “упаковывал” в три дня все свои уроки; в субботу уроки были в две смены в одной и другой школе. Остальное время отводил на научную работу. Так что пять лет школе отдал и не жалею об этом. А потом — это хорошая педагогическая подготовка перед преподаванием в вузе, которое затем последовало. Иногда трудно приходилось. Одному даже пришлось по физиономии дать, после чего я пошел к завучу, чтобы подать заявление об увольнении. Но он меня все же оставил, сказав: “Иди работай дальше”.

Эти годы были взаимным ученичеством, серьезной подготовкой к преподавательской работе в вузе. Постепенно вырабатывалась и уверенность в себе как наставника. Прошел страх перед аудиторией» [1, с. 527].

### **Аспирантура.**

#### **Первые исследования под руководством А.В. Запорожца**

По окончании университета в 1953 г. В.П. поступил в аспирантуру НИИ психологии АПН РСФСР, которую окончил в 1956 г. Защитив в 1957 г. под руководством А.В. Запорожца кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности движений руки и глаза и их роль в формировании двигательных навыков» (официальными оппонентами были А.Р. Лурия и П.Я. Гальперин), работал в том же институте, сначала в качестве младшего, затем старшего научного сотрудника.

«Александр Владимирович более 30 лет дарил мне свою любовь и дружбу. Сначала я получил их в дар по наследству, по праву рождения, как сын Петра Ивановича Зинченко (с моим отцом А.В. Запорожец подружился в свой харьковский период, который у него, в отличие от других “харьковчан” — А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии, продолжался до самой войны. Вернувшись после рытья окопов, он эвакуировался из Харькова с последним поездом). Позже, мне кажется, я заслужил его расположение и сам. Его уроки, как и уроки моего отца, не просто хранятся в моей благодарной памяти, они вошли в мою плоть и кровь» [1, с. 201].

«А.В. Запорожец был терпимее А.Р. Лурии. Одно из своих действительно талантливых учеников он называл “доброкачественным лентяем” и многое прощал ему (наверное, читатель догадается, о ком здесь идет речь; не путать с упоминаемыми В.П. в другом месте “злокачественными лентяями”. — Б.М.). Вообще, он нас так замечательно воспитывал, что мы, его ученики, этого совершенно не замечали. А он, смеясь, говорил, что человека после 12–13 лет воспитывать бесполезно. Не раззнакомился со мной Александр Владимирович, когда я в 1960 г. не принял его предложения организовать психологическую лабораторию в создаваемом им тогда Институте дошкольного воспитания или возглавить его лабораторию детской психологии в Психологическом институте, который он покидал. Я предпочел “сыграть в ящик” — в НИИ автоматической аппаратуры, где мне предложили организовать лабораторию инженерной психологии и заняться проблемами противовоздушной обороны (см. раздел 7. — Б.М.). А.В. Запорожец отпустил меня и искренне пожелал успеха. Хотя он был огорчен и не скрывал этого, мой отказ никак не повлиял на наши отношения. Он только как-то сказал мне: “Глядя на тебя, я иногда чувствую себя как курица, высидевшая утят и удивляющаяся, что они делают то, что она не умеет сама, например, плавают”. Меня оправдывает то, что мы вместе с моей женой — Н.Д. Гордеевой еще при жизни А.В. Запорожца продолжили его исследования произвольных движений и предметных действий. К счастью, мы успели посвятить ему нашу первую книгу по исследованию моторики. Он был искренне рад тому, что почти забытая им, заслоненная директорскими обязанностями проблематика развивается» [1, с. 205].

В.П. называл аспирантский период и последующий период работы под руководством А.В. Запорожца «счастливым», впрочем, и период, который пришел ему на смену, — «не менее счастливым» [1, с. 530]. В его переходе в оборонку сыграл важную роль Д.Ю. Панов, о чем В.П. сообщал следующее:

«В конце 1959 года у меня произошла встреча с еще одним из моих учителей — дважды доктором, технических и физико-математических наук, профессором Дмитрием Юрьевичем Пановым. Он — организатор и создатель ВИНТИ, первый декан физтеха, однокашник будущего академика, ректора МГУ Ивана Георгиевича Петровского. Д.Ю. Панов к тому же художник и поэт. Мы с ним случайно встретились, и он пригласил меня работать в закрытую организацию (почтовый ящик № 701), находившуюся в Уланском переулке, предложив мне заниматься инженерной психологией. Он сам уже на закате лет пошел в оборонную промышленность, возглавил там теоретический отдел. Поставил перед администрацией вопрос о том, что для средств вооружения и военной техники необходимо учитывать человеческий фактор. Я ему сказал, что для этих целей одного сотрудника будет мало, что есть человек из того же института, мой приятель Владимир Дмитриевич Небылицын. Он говорит: “Нет проблем”. И мы оба пошли туда: несмотря на все запрещения о совместительстве нас оформили на полставки.

В течение 1960 года выяснилось, что нужно создавать лабораторию по инженерной психологии» [1, с. 530].

### **Первая в нашей стране лаборатория инженерной психологии, затем эргономика**

«Я организовал первую в нашем государстве и в оборонной промышленности лабораторию инженерной психологии. Для меня и моих товарищей проблема деятельности операторов, принципов ее организации, оптимизации, проектирования была центральной проблемой. Это требовало не только психологического, но и философско-методологического мышления. И установился такого рода контакт. И когда я покончил с оборонной промышленностью, то перешел в Институт технической эстетики Комитета по науке и технике заведующим отдела эргономики. Мы (я и заместитель директора института Мунипов) решили к тем лабораториям, которые были в моем отделе эргономики — прикладные, экспериментальные, психологические, — еще добавить лабораторию методологии» [1, с. 280].

«Помню разговор с Федором Дмитриевичем (Горбовым. — *Б.М.*) во второй половине 1960-х годов. Он говорил:

“Ты — молод, инженерную психологию уже выпустили из бутылки. Даже если кто-то захочет, ее не остановить, это уже невозможно, заинтересованные люди не дадут этого сделать. Страна большая, хотя этого не осознает. Через двадцать лет ей очень понадобится психотерапия. Молодые должны это понять и начать осваивать это дело, а я помогу”.

Жаль, что мы, молодые тогда, не прислушались. Он, в отличие от нас, далеко видел вперед» [1, с. 301].

Непростительно будет не привести слова В.П. о том, какое значение для него имел Ф.Д. Горбов:

«Мне очень повезло в жизни. Федор Дмитриевич Горбов (1916—1977) одарил меня своей дружбой, которая, впрочем, была весьма требовательна и сурова, какой и полагается быть мужской дружбе. <...> Помню, как в самом начале нашего знакомства он спросил меня, что мне нужно для полного счастья в моей научной работе. Я сказал, что мне нужен окулометр, разработанный одной американской фирмой, позволяющий регистрировать движения глаз и накладывать траекторию на рассматриваемый объект. Он, как-то с сомнением посмотрев на меня, сказал: я думал ты умнее. Я ведь не о том спрашиваю, причем здесь методика и техника, я спрашиваю о психологии. Позже он все же признал во мне психолога, что, не скрою, было приятно.

Федор Дмитриевич умел, как никто другой, как бы ненароком расширять сознание окружающих. А основания для этого у него были. Он вырос в семье, где высокая гуманитарная культура была естественной средой обитания, а образование получил медицинское. Как врач, он видел все: в студенческие годы работал на скорой помощи, потом врачом авиационного полка, далее работа в военных госпиталях, учеба и сотрудничество с замечательным неврологом М.Ю. Рапопортом в Институте нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко, работа в авиационной и космической медицине. Как врач, он, казалось, изнутри видел телесный организм, а как гуманитарий, психолог, психоневролог, психотерапевт, он видел “анатомию и физиологию человеческого духа” (выражение А.А. Ухтомского)» [1, с. 299].

Интересное рефлексивное дополнение про работу в «ящике» и ее роли в формировании личности В.П.:

«Я тогда не вполне понимал, что такое инженерная психология, и сказать, что она меня сильно завлекла, не могу (хотя впоследствии она действительно завлекла меня). Но тут был вот какой момент. Я понимал, что все мои учителя представляют собой замечательное сообщество, что они друзья моего отца, Петра Ивановича Зинченко, глубоко его уважают и ко мне поэтому замечательно относятся. Но это как бы отраженный свет от отца, не являющийся моей заслугой. Тем более, что я не переоценивал своих достижений в науке. И я тогда подумал: что ж я так и буду все время сыном П.И. Зинченко?! Надо попробовать себя там, где никто не знает, кто такой Петр Иванович Зинченко, кто такой Алексей Николаевич Леонтьев, кто такой Александр Владимирович Запорожец... То есть постараться приобрести самостоятельность. И я действительно ушел туда, где вообще никто не отличает Леонтьева от не Леонтьева, Рубинштейна от не Рубинштейна... Там и складывался мой характер и тип общения с людьми. Я почувствовал себя вполне самостоятельным, потому что никого уже не было за спиной, не было подстраховки» [1, с. 531].

Чтобы облегчить читателю ориентацию во времени, приведем некоторую уточняющую информацию

из биографии В.П. Он организовал и возглавлял лабораторию инженерной психологии в НИИ автоматической аппаратуры (1961—1969), затем заведовал отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР в 1969—1984 гг. Кроме того, был создателем и заведующим кафедрой психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (1970—1982). В Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА) он создал кафедру эргономики (заведовал в 1984—2001 гг.), а в Международном университете природы, общества и человека «Дубна» (ныне Государственный университет «Дубна») — кафедру психологии, которой руководил с 1998 по 2008 г., а позже (до 2013 г.) был ее научным руководителем. В довершение перечисленных организаторских и управленческих подвигов заслуживает упоминания тот факт, что конце 80-х гг. он был зам. директора Института философии РАН и руководителем Центра наук о человеке, а также «директором-организатором» Института человека РАН.

Стоит также упомянуть, что в 35 лет В.П. стал доктором психологических наук (тема диссертации — «Восприятие как действие», 1966 г.), в 38 лет — профессором.

### **Кафедра психологии труда и инженерной психологии**

«И лишь в 1970 году после защиты докторской диссертации, — кстати, по общей, а не по инженерной психологии, — была создана кафедра инженерной психологии в МГУ, которой я заведовал на полставки. И главное внимание я уделял инженерной психологии, а если быть точным, то ее когнитивным аспектам.

Когда у тебя висят на шее отдел эргономики, в котором несколько десятков человек, три лаборатории, да еще кафедра в МГУ, то, конечно, кафедре я уделял меньше внимания, чем надо было бы. Хотя, между прочим, кафедра щедро питалась деньгами, источником которых была оборонная промышленность. На кафедре открылось целое направление исследований, являвшееся подразделом когнитивной психологии: это исследование кратковременной памяти и зрительного восприятия, исследование движений, микроструктурный анализ преобразований информации, осуществляющихся в кратковременной памяти, работы по оценке функциональных состояний, работы Анатолия Иосифовича Назарова, Юрия Константиновича Стрелкова, Натальи Дмитриевны Гордеевой, Сергея Константиновича Сергиенко, Анны Борисовны Леоновой, Бориса Ивановича Беспалова и др. По сути дела, инженерную психологию я рассматривал как экспериментальную психологию, но повышенной ответственности. Надо было и выдавать «на-гора» всевозможные рекомендации, требования и т. п. И кафедра достаточно успешно, на мой взгляд, существовала, она и сейчас существует. Я работал на кафедре до 1982 года, т. е. 12 лет. Кафедра в какие-то

интервалы времени становилась гигантской, потому что деньги были очень хорошие и было немало площадей и всевозможные творческие коллективы; курсовые, дипломные и диссертационные работы стали выполняться на компьютерной технике. Хотя эта техника и была похуже западной, но данный пробел компенсировался, как в России бывает, выдумкой, изобретательностью» [1, с. 533].

### **Кафедра эргономики в МИРЭА**

Про эту кафедру следовало бы написать отдельную статью, одновременно с В.П. там же оказались В.М. Мунипов, А.И. Назаров, Е.Б. Моргунов, Б.Г. Мещеряков, И.А. Мещерякова и др. У В.П. были некоторые оптимистические надежды, что этот технический вуз может создать самые благоприятные материально-технические условия для развертывания экспериментальных исследований, но этого, к сожалению, не случилось (МИРЭА — не МТИ). Из-за недостатка места придется на этой теме сэкономить. Любопытно одно высказывание В.П., характеризующее особенности педагогического процесса в МИРЭА:

«Было, между прочим, испытание: одно дело читать лекции психологам, а другое — инженерам. Ты приходишь к ним, особенно к студентам 4—5 курсов, это уже почти состоявшиеся специалисты, а тут “какая-то психология” им читается. Так что было непросто овладеть этой публикой. Примерно так же, как когда-то “овладевал” школьниками старших классов. Конечно, без многолетнего опыта сотрудничества с инженерами я вряд ли справился бы» [1, с. 535].

### **Трудные 1990-е годы**

В трудные 1990-е годы В.П. вместе с В.В. Давыдовым и Ф.Т. Михайловым читали лекции в разных городах страны — Надым, Тобольск, Усть-Илимск, Якутск, Анапа и многие другие. Очень вероятно, что они «мотались» по этим городам и весям не столько ради своего удовольствия и благополучия, сколько для того, чтобы поддерживать своих менее социально защищенных коллег. Разумеется, это не афишировалось, но так оно и было.

### **О Дубне**

В интервью 2005 г. (с В.И. Артамоновым) В.П. не без гордости сообщал о кафедре:

«Сейчас я преподаю в Университете природы, общества и человека «Дубна», организовал сильную кафедру психологии (там 9 докторов наук). И уже два выпуска у нас было (кафедра выпускающая, там нет факультетов). По 25 человек в год мы выпускаем. Это такой губернаторский университет — единственный в Московской области. И там в основном преподают выпускники МГУ, доктора и кандидаты наук. То есть очень профессиональная команда» [1, с. 536].

В том же интервью есть еще интересный фрагмент. На вопрос «*Какие увлечения у Вас есть, как начинается Ваш день?*» В.П. ответил кратко:

«День у меня по-разному начинается. Вот вчера, например, встал в шесть часов утра, в восемь был уже у станции метро «Новослободская», а в десять — у себя на кафедре психологии в университете «Дубна». Потом — четыре лекционные пары и после девяти вечера — дома. МГППУ и ГУ ВШЭ тоже расслабиться не дают. К сожалению, лыжи, байдарка — в прошлом. Тусоваться не люблю. Удовольствие получаю от чтения и письма. Как говорят в Одессе: сам на себя удивляюсь по этому поводу» [1, с. 550].

Телопортация в Дубну и обратно к станции метро занимала (если не было неожиданностей), как минимум, 4–5 часов. В то время дорога, особенно по мере приближения к Дубне, была типично российской. И когда около 10 часов утра микроавтобус останавливался у здания университета, профессор иногда бодро произносил: «Перед употреблением — взбалтывать». И это сразу поднимало настроение у полусонных московских преподавателей.

### Об актуальном

Актуальное и поучительное пророческое предупреждение В.П. Зинченко, произнесенное в интервью 2005 г.:

«Некоторые наивные, а чаще корыстные люди считают, что можно учить дистанционно. Я такое обучение называю диетическим. Уверен, что хамский ленинский стиль не только в политике, но даже и в философии объясняется его экстернатом: он живого профессора не видел. А ведь именно пе-

дагог является носителем живого знания, и он, по сути дела, очеловечивает институализированные знания. По глазам слушателей он судит, есть понимание или нет. Кстати, и педагогическое косноязычие — это мощнейший канал развития. Потому что там, где гладкая речь, где не видно, что педагог думает сам, — будет провал, «отскок» от восприятия слушателей. Когда приходит на кафедру человек и начинает вслух читать учебник, ничего хорошего ожидать не приходится» [1, с. 548–549].

### Вместо заключения

Здесь не лишним будет повторить:

«Владимир Петрович был фантастически душевно и духовно щедрым. Он безостановочно дарил нам свою душу — и в непосредственном общении и общении опосредствованном. Рядом с ним всегда было тепло, весело и уютно. Он был подобен мобильному и просторному кабинету психологической разгрузки. С благодарностью помним этого замечательного человека большого ума и большой души» [1, с. 694].

По традиции, установленной В.П., закончим поэзией:

Не он ли нас приятной остротою  
И нежностью сердечной привлекал!  
Не он ли нас тесней соединял?  
Сколь был он прост, не скрытен в разговоре!  
Как для друзей всю душу обнажал!  
Как взор его во глубь сердец вникал!  
Высокий дух пылал в сем быстром взоре.

*В.А. Жуковский*

### Литература

1. *Зинченко В.П.* Память и воспоминания. / Ред.-сост. Н.Д. Гордеева; науч. ред. А.И. Назаров. М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2021. 762 с.

2. *Мещеряков Б.Г.* Зевс Харьковской психологии // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 124–135.